

В двух шагах от ада

В КОНЦЕ 50-х годов Хрущева очень заинтересовал один проект, предложенный военными инженерами. Суть его заключалась в создании искусственных островов у Атлантического побережья США. Их предполагалось объявить советской территорией и тут же "нафаршировать" ракетами с ядерными боеголовками. В Генштабе авантюристический проект отвергли, прямо заявив, что это кратчайший путь к третьей мировой войне. Но Никите Сергеевичу идея запомнилась...

НА КУБЕ в 1959 г. победила революция. Хрущев ликовал по поводу переползания социализма на другие континенты, но его беспокоили попытки США свергнуть режим Кастро. Первый секретарь велел советской разведке "разоблачать агрессивные планы империалистов". Вашингтонскую резидентуру тогда возглавлял Александр Феклисов - тот самый, который был последним связником нашего потрясающего информатора - физика-ядерщика Клауса Фукса, когда он работал над урановой бомбой в Лондоне.

Именно команда Феклисова сообщила в Москву о точном сроке высадки на Остров свободы кубинских эмигрантов. Десант был разгромлен, а Хрущев решил и впредь действовать твердо и агрессивно. После провала очередного покушения на Кастро он решился на самую большую свою авантюру - операцию "Анадырь"...

Атомный шантаж

14 ОКТЯБРЯ 1962 г. самолет-разведчик США заснял сооружение на Кубе пусковых ракетных установок. Через день (после проверки) президенту Кеннеди доложили, что у берегов США появилось два десятка стартовых площадок. Никита Сергеевич все-таки нашел "свой остров", откуда можно грозить "надменному соседу" четырьмя десятками ракет среднего радиуса действия Р-12 и Р-14 совокупным потенциалом почти в 70 мегатонн!

Конечно, по большому счету, Хрущев был прав - если США разместили в соседней с СССР Турции ракеты "Юпитер" с дальностью полета свыше 3000 километров и термоядерным зарядом в 1 мегатонну, то Советский Союз имел полное моральное право установить свои ракеты на соседней с США Кубе. Другое дело, что момент был выбран для этого самый неподходящий. И, конечно, сделать это нужно было не так грубо и примитивно, а при мощной поддержке дипломатии. Но о какой дипломатии могла идти речь, когда во главе МИДа стоял Андрей Громыко, а послом в США была его креатура - Анатолий Добрынин?

18 октября, когда Кеннеди уже приступил к разработке стратегии уничтожения советских ракет на Кубе, Громыко посетил президента и завел скучный и непонятный разговор, во время которого несколько раз обмолвился, что СССР поставляет на Кубу "исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для США". От этой наглой лжи Кеннеди передернуло, и он решил впредь с Громыко никаких дел не иметь. Вечером 22 октября президент выступил по телевидению и объявил, что на Кубе стоят советские ракеты, которые могут нанести ядерный удар по Панамскому каналу, Вашингтону, Нью-Йорку и другим городам и странам. Он объявил о морском карантине с целью не допустить завоза на Кубу новых ракет. Мир на всех парах летел к ядерной катастрофе.

Спасительный ланч

В ЭТОТ же день состоялась встреча резидента Феклисова с американским тележурналистом Джоном Скали. Феклисов знал, что Скали работает на ЦРУ, причем, и тот знал, что его собеседник тоже не простой дипломат. Выбор собеседника был определен тем, что Скали был хорошо знаком с семейством Кеннеди и с самим президентом. В той первой встрече все свелось к обмену угрозами, а обстановка тем временем накалялась.

В пятницу, 26 октября, уже Феклисов сам пригласил Скали в ресторан. На этот раз Скали перед встречей доложил о ней госсекретарю, а тот - президенту. Кеннеди велел тогда передать Хрущеву, что "время не

терпит". Президент требовал демонтажа ракетных установок, а Хрущев настаивал на прекращении блокады. Два разведчика встретились еще раз. За ланчем Скали стал нагнетать обстановку - мол, Пентагон поклялся в течение 48 часов стереть Кубу с лица земли и президент еле-еле удерживает военных от начала бомбардировок. И тут Феклисов сделал изумительный ход, за который ему следовало бы вручить Звезду Героя. Он сказал, что в случае нападения на Кубу у Хрущева будут развязаны руки и советские танки моментально захватят Западный Берлин.

Скали задумался и вскоре отправился думать в другое место - поближе к госсекретарю и президенту. Не прошло и пары часов, а Скали уже назначил новую встречу в кафе отеля "Статлер". Там он передал Феклисову четко сформулированные президентом Кеннеди условия: СССР вывозит ракеты, а США снимают блокаду и дают обещание оставить Кубу в покое. Феклисов пообещал, что эти условия он немедленно передает в Москву по дипломатическим каналам. Тогда разведчик еще не знал, что сделать это будет труднее, чем договориться с американцами.

Подвиг разведчика

ТРИ часа советский посол Добрынин изучал телеграмму Феклисова, потом вызвал резидента и сообщил, что послать ее в Москву не может! МИД, видите ли, не уполномочивал посольство вести такие переговоры.

- Мою телеграмму он не подписал, так как это означало бы, что посольство стояло в стороне от улаживания Карибского кризиса, - вспоминал много лет спустя сам резидент. - Он полагал, что я не решусь послать такую важную телеграмму в Центр и тогда Белый дом будет вынужден обратиться со своими предложениями к нему.

К счастью, Феклисов решился и отправил шифровку по каналам КГБ. Иначе идиотская бюрократическая возня могла бы слишком дорого обойтись всему миру. Предложения Кеннеди вовремя дошли до Хрущева. Вскоре ракеты вывезли сперва с Кубы, а затем и из Турции.

Карибский кризис благополучно разрешился, вот только неординарные действия резидента советской разведки у нас никто по достоинству не оценил. Ведь никто не давал ему полномочий самостоятельно установить связь с Кеннеди, никто не заставлял передавать важное сообщение в Москву через голову посла. И уж тем более ни Смоленская площадь, ни Лубянка не санкционировали разговора о русских танках в Западном Берлине. Это была импровизация, работа на свой страх и риск, отличающая настоящих асов разведки.